

Александр Блок не ошибся

Премьера «Франчески да Римини» в Фестивальном театре

Великий англичанин Джон Китс, начитавшись пятой песни «Ада», видел во сне великих влюбленных, которые уж больше не читали про Ланселота, а все неслись в страшном вихре, видел их — и чувствовал, «как прекрасно тело, / с которым плоть моя сквозь мрак летела».

А Александр Блок говорил «Все это было, было, было» и сетовал на то, что целуемся не мы, а голуби, и на то, что прошли времена Паоло и Франчески.

Габриэле Д'Аннунцио сочинил в самом начале века обширнейшую драму «о сладострастии и насилии» — для божественной Дузе; правда, в последний момент отдал роль своей молоденькой жене. Талантливый Риккардо Дзандонан впоследствии положил на музыку уполовиненный текст драмы, и в 1914 году, да-да, в том самом 1914-м, новая опера заявила о себе с туринской сцены. И Д'Аннунцио, и Дзандонан — надо отдать им должное — восприняли героиню Данте по-китсовски лично и сообщили истории о силе страсти и мощи печатного слова энергию творческой заинтересованности.

Увы, режиссер Робер Фортюн и художник Энтони Макдоналд заставили нас вспомнить строчку Блока: и чистые прерафаэлитские девушки с гиляндами, и полуабстрактные архитектурные формы, и красный свет насилия из дверного проема, откуда войдет Джанчотто, и зеленый цвет надежды там, где появится Паоло, — все это не что иное, как профессионально поданные спенсеровские клише 90-х. Конечно, чистый мир кротких женщин правильно противопоставлен грязному и потному миру воинственных мужчин, большое спасибо за напоминание. Вот разве что явление братьев Малатеста в виде двух рокеров и одного кагэбэшника действительно убедило — или моя фантазия решила в этот момент поработать?

Заго музыка Дзандонан в руках Фабью Луизи играла всеми мыслимыми красками. Указанный маэстро ранее казался мне капельмейстером средней руки — но здесь ему удалось надлить высокой органикой причудливую смесь Дебюсси и Верди, Вагнера и Пуччини: энергия творческой заинтересованности — слышалась в

МОНИКА РИТЕРСХАУС

зал. Что еще добавить? Второстепенные персонажи были интереснее главных: Хромой Джанчотто Филиппа Руиона и Одноглазый Малатестинно Кеннета Ригеля, ревнивец и доносчик, отделанные до филигранности, вставали в ряд спенсеровских кунстштюков. Паоло канадца Фредерика Кальфа удручал равнодушием, а Франческа болгарки Елены Филиповой восходила не к божественной Дузе, а к молоденькой протезе.

Может, Блок прав и времена Паоло и Франчески прошли безвозвратно?